

**Смерть в христианской и буддийской традициях:
к постановке вопроса**

© 2020 г. И.В. Горенко

*Школа актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Москва, 119606, просп. Вернадского, д. 82, стр. 9.*

E-mail: gorenko.igor@gmail.com

Поступила 22.10.2019

Разговор о смерти становится важным тогда, когда религиозные, философские, исторические, культурологические, медицинские и всякие другие объяснения не закрывают от нас личной неизбежности этого события. Христианство не побеждает смерть, оно ее преображает. От каждодневности смерти проистекает жизнь и от обладания жизнью сильнее умерщвляется смерть. Чем больше смерти в смерти (грехе), тем больше Жизни (Христа) в жизни. Буддизм, даже разобравшись со смертью и научившись правильно умирать, все равно останавливается в таинственной таковости события. Не столь важно, какая смерть, «буддийская» или «христианская», ожидает человека, важнее то, что он в ней переживает.

Ключевые слова: смерть, буддизм, Догэн, христианство.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–8–215–221

Цитирование: *Горенко И.В.* Смерть в христианской и буддийской традициях: к постановке вопроса // Вопросы философии. 2020. № 8. С. 215–221.

Death in Christian and Buddhist Traditions: to the Problem-setting

© 2020 Igor V. Gorenko

School for Advanced Studies in the Humanities, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 82/2, Vernadsky prosp., Moscow, 119606, Russian Federation.

E-mail: gorenko.igor@gmail.com

Received 22.10.2019

Talking about death becomes important when religious, philosophical, historical, cultural, medical and all sorts of other explanations do not hide from us the personal inevitability of this event. Christianity does not conquer death, it transforms it. From the everyday death flows life and from the possession of life death is more mortified. The more death in death (sin), the more Life (Christ) in life. Buddhism, even after understanding death and learning to die correctly, still stops at the mysteriousness of such an event. It is not so important what kind of death, “Buddhist” or “Christian” awaits a person, more important is what he experiences in it.

Keywords: death, Buddhism, Dogen, Christianity.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–8–215–221

Citation: Gorenko Igor V. (2020) “Death in Christian and Buddhist Traditions: to the Problem-setting”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 8 (2020), pp. 215–221.

Смерть

Подумай, например, еще раз о смерти – и ты в самом деле удивишься, что не познал благодаря этому явлению новые понятия, новое поле действия языка.

Л. Витгенштейн в пересказе Ж. Сарамбо, «Перебои в смерти»

Сколько бы мы ни говорили и ни думали о смерти, это будет всегда или слишком много, или слишком мало. Но и в том, и в другом случае нам никогда не удастся узнать о ней больше того, что уже представляется известным. И «знание» это – скорее эмоционально, чем трезвенно. Современный человек предпочитает о смерти не просто не говорить, но даже и не думать. Он старательно выводит из обстоятельств своей жизни все, что может говорить или намекать ему о смерти. Он словно боится заразиться смертью, тщательно выталкивает из головы тот простой факт, что «мы рождаемся уже убитые вечно смертью» и просто до поры до времени не чувствуем того, что «убиты, по общему свойству мертвецов не чувствовать своего умерщвления» [Игнатий 1993, 8].

Люди умирают тысячи лет, вокруг происходят миллионы смертей, но это никак не помогает человеку привыкнуть к смерти. Всякий раз она «случается внезапно», всякий раз она удивляет, будто в первый раз. Смерть и далека, и близка одновременно. Она далека, потому что это смерть другого в прошлом, это череда умерших близких и дальних, это синодик поминовения ушедших. Смерть – это память о тех, кого нет рядом. Вопрос о памяти здесь не так прост, поскольку память, с одной стороны,

воскрешает прошлое и умерших, хранит их как бывших давно, а с другой стороны, знание этого прошлого есть признание того, что его нет в настоящем, то есть своеобразное умирание его для человека. В иудейской традиции Ветхого Завета памятью называется обращенность Бога к Своему творению, которой Он «держит» мир, животворит его. Жизнь таким образом есть пребывание в памяти Божией, а смерть – выпадение из нее; вспомним возглас на литургии: «Да помянет вас Господь Бог во Царствии Своем всегда, ныне и присно и во веки веков...»

И смерть – близка, потому что окружает нас со всех сторон. Это событие, всегда локализованное в пространстве и времени. В этом смысле смерть скорее соотносена с рождением, а не с жизнью, хотя мы привыкли к обратному. Жизнь всегда больше смерти, потому что она не от мира сего, а смерть всегда происходит в мире и поэтому понятна может быть только как состояние жизни, а не наоборот. Как отмечал бл. Августин: «Можно жить в жизнь, а можно жить – в смерть» [Августин 1994, 287–336].

С одной стороны, мы знаем о смерти все (настолько, насколько нам помогают определить это происшествие медицина и право, демография и криминалистика), с другой – ничего. Что будет происходить с человеком по разделении души и тела, каким может быть и будет ли вообще существование без тела, в каком состоянии будет пребывать душа, будет ли она страдать, блаженствовать или исчезнет вообще... Смерть – это тайна какого-то иного, метафизического порядка, и в то же время феномен действительной жизни. «Человек то принимает в расчет лишь закон природы, игнорируя тайну, то преклоняет колени перед тайной, пренебрегая феноменом» [Янкелевич 1999, 13]. Это противоречивость ужасает: «Содержит ныне душу мою страх велик, трепет неисповедим и болезнен есть, вневгда изыти ей от телесе...» (Псалтирь и молитвы по усопшим. Канон молебный ко Господу нашему Иисусу Христу и Пречистой Богородице, Матери Господни, при разлучении души от тела всякого правверного. Глас 6-й, Песнь 1-я, тропарь 3-й). Страх становится неизменным спутником смерти, который или парализует всякий поступок, или «памятованием», которое придает смысл.

Психологически нам проще принять смерть как смерть другого, но не как свою. Тем более что с феноменальной точки зрения событие смерти всегда одинаково, что даже позволяет строить науку о смерти – танатологию; см.: [Мечников 1913; Шор 1925]. Хотя умирает Я, но умирает как Все. Однако это принятие не означает согласия, ибо как можно совместить в сознании то, что не будет – того, кто здесь и сейчас находится, дышит, смотрит, двигается? Как согласиться, что мой мир перестанет существовать как мой и станет просто миром, и останется ли? Ведь даже если этот мир может быть без меня – смогу ли я без него? Всеобщий и необходимый характер смерти уже не кажется столь всеобщим, когда речь идет о самом человеке. «Я знаю, что умру, но внутренне в этом не убежден, не верю в это» – вот что думает каждый из нас, когда «вспоминает» о собственной смерти, которая когда-нибудь обязательно произойдет, но «не здесь и не сейчас». Что-то в глубине человека заставляет думать, что «бессмертная истинность смерти» не столь уж истинна. Каждая новая смерть, «подтверждая необходимость» смерти, в то же время как будто обосновывает саму себя, скрывает в себе свой неистинный характер. Каждая новая смерть становится человеческой судьбой, которую необходимо осмыслить как вариант ответа на собственный вопрос о смерти. Король в пьесе Эжена Ионеско говорит: «Вы, бесчисленные, которые умерли до меня. Помогите мне. Скажите, как вы достигли того, чтобы согласиться. Научите меня. Чтобы ваш пример меня утешил. Протяните мне свои братские руки. Помогите мне проникнуть в ту дверь, в которую вы прошли. Вернитесь с той стороны на минуту. Помогите мне те, которые боялись и хотели жить. Как же это происходило? Что вас поддерживало? Боялись ли вы до самого конца? И вы, которые были сильны и смелы, вы, которые согласились умереть с безразличием и безмятежностью. Научите меня примирению» («Король умирает», перевод О. Ильинской) [Ионеско 1991, 173].

Смерти самой по себе, страшной и непобедимой истины человеческой жизни и отдельной в своей неотменимости от всего другого, не бывает. Она всегда встроена в более общий контекст человеческой жизни. «Что есть смерть человека в мире и для

мира, и соответственно, ответ на вопрос: что есть жизнь человека в мире и для мира? Этот вопрос рождает религии, мировоззрения и соответствующее им поведение, рождает образ мыслей и образ бытия людей» [Трубников 1996, 67].

Христианство

Я пришел для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком.

Ин. 10:10

В обширной житийной христианской литературе смерть никогда не является главной темой. Жития, рассказывая о моментах духовного становления святых, видят в смерти лишь неизбежный конец земной жизни, но и одновременно с этим начало нового, вечного бытия. Будучи по своему внешнему проявлению разлучением души с телом, смерть понимается как результат греха, преступления заповеди Божией. «Как отделение души от тела есть смерть тела, так и разлучение Бога от души есть смерть души. Это и есть, главным образом, смерть... когда душа разъединяется с Божественной благодатью и сочетается с грехом» (свт. Григорий Палама, «К старице Ксении, о добродетелях и страстях» [Добротолюбие 2003, 278]. Смерть не обладает для христианина никакой онтологической реальностью, она есть только отсутствие жизни. Факт ее пребывания в человеческой жизни обусловлен не творящим решением Бога: «Бог не сотворил смерти и не радуется погибели живущих, ибо Он создал все для бытия, и все в мире спасительно, и нет пагубного яда, нет и царства ада на земле» (Прем. 1:13–14). Обусловлен же этот факт неправильным свободным выбором прародителей человечества, совершенным в раю: «Одним человеком грех вошел в мир, и грехом – смерть, так и смерть перешла во всех человеков» (Рим. 5:12). Человек как существо тварное обладал потенциальным бессмертием по благодати Божией. Феофил Антиохийский объясняет так: «Но нам скажут: “Разве не был человек по природе своей смертен?”. Вовсе нет. “Был ли он в таком случае бессмертен?” Мы этого не говорим. Тогда спросят: “Значит, он был ничем?”. И этого мы не утверждаем. А дело вот в чем: по своей природе человек не был ни смертен, ни бессмертен. Если бы он был сотворен бессмертным с самого начала, то он был бы Богом. С другой стороны, если бы он был создан смертным, тогда можно было бы считать, что смерть дана ему от Бога. Таким образом, он был создан ни смертным, ни бессмертным, но тем и другим одновременно. Тогда можно ли сказать, что он приближался к бессмертию, исполняя Божий завет? Он должен был в награду за это получить бессмертие и стать богом. Склонялся ли он к смертному уделу, явив неповиновение Богу? Он сам стал причиной своей смерти. Бог же сотворил человека вольным и свободным» (свт. Феофил Антиохийский «Послание к Автолику» [Антология 2017, 101]. Таким образом, смерть, являясь необходимым следствием греха первородного, привносит в человеческую жизнь страстность, как удобоприклонность ко злу и тленность как «болезни, немощи и бедствия человеческой жизни» [Иерофей 2008, 28]. Человек, по замыслу Божьему призванный к сотрудничеству с Творцом, должен теперь все исправить. И поскольку собственных сил у него нет – «Ибо не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю. Если же делаю то, чего не хочу, то соглашаюсь с законом, что он добр, а потому уже не я делаю то, но живущий во мне грех» (Рим. 7:15–17), – Бог Отец посылает Своего единородного Сына, чтобы Тот через воплощение и искупительную жертву совершил спасение человека. «Нам надо было, чтобы Бог воплотился и умер, дабы мы могли ожить» (св. Григорий Богослов). Смерть при всей своей внешней трагичности становится для павшего человека «средством освобождения», она исправляет и поучает, она есть «...избавление и прекращение смятения, отъятие браней, окончание смешения, отступление тьмы, отдохновение от трудов, затихание неясного шума [житейского], утишение кипения [помыслов], покровение срамоты, удаление от страстей и уничтожение греха и, вкратце сказать, – ограничение всех зол» (Прп.

Максим Исповедник, «Амбигвы к Иоанну»; цит. по: [Ларше 2017, 29]). Смерть есть итог того определенного времени жизни, которое человек получает от Бога для своего исправления. Христианство не бежит от смерти – потому что она уже побеждена Христом Спасителем, – оно преобразует ее. В христианстве смерть является таинством будущего века, событием, в котором человек нечто приобретает нежели теряет, ибо становится возвращением (ἐπιστροφή) к тому, Кем был задуман и сотворен. «Ибо для меня жизнь – Христос, и смерть – приобретение» (Флп. 1:21).

Буддизм

...точка всегда обозримей в конце прямой...

Иосиф Бродский

Буддизм, как и христианство, включает смерть в более широкий контекст человеческого существования. С одной стороны, буддизм видит в ней одно из выражений сансары – как продолжающегося цикла болезненных перерождений, обусловленных жаждой и неведением. И в этом смысле смерть как элемент непостоянства прежде всего нуждается в признании своего подлинного характера. В другом, более широком ее понимании, смерть есть объективный космологический факт, обусловленный естественной порчей мира, лишенный какого-либо нравственного оправдания и оценки. Происходит то, что естественно должно произойти, в этом нет никакой нравственной причины.

Индивидуальная смерть лишь подтверждает общее правило смертности всего живого, временности, непостоянства как главного принципа всего сущего. Поскольку вечной жизни нет, бессмертной души тоже, остается признать несуществующей и саму смерть. И жизнь и смерть оказываются едины в своем несуществовании [Stone 2005].

В небольшой главе «Рождение – смерть» («Сёдзи») Догэн, основатель дзэнской школы Сото, пишет, что недостаточно просто отказаться видеть смысл/истину (то есть Будду) в «жизни и смерти», тщетны и попытки углядеть какой бы то ни было смысл в «рождении и умирании» [Waddell, Abe 2002, 105–107]. Все впустую, если человек не знает или не отдает себе в этом отчет, что он хочет прояснить в вопросе «жизни – смерти». Преодолеть? Понять? Спрятаться? Не замечать? Догэн обращает внимание на связь времени и «рождения – умирания». «Прежде» и «после» тематизируют умирание/уничтожение, превращают его в акт, поступок, имеющий ценностную окраску, которая начинает существовать сама по себе как смерть. То же происходит и с рождением/жизнью. И тогда человек умирает и рождается снова и снова, тогда мнимо органическая жизнь распадается на акты, неповторимые и трагически неотменяемые по своим последствиям. Человек рождается, но не живет, смертен, но не умирает. Догэн видит выход в «простом пути»: «...кто не делает никакого зла, не принимает рождения и смерти, всем живым существам глубоко сострадает, почитает высших, жалеет низших, из десяти тысяч вещей ни одной не ненавидит и ни к одной не стремится, сердцем ничего не желает и ни о чем не скорбит – того и называют Буддой» (пер. Н.Н. Трубицкой). Принять жизнь и смерть в их «таковости», в их невременности, ощутить в них общую основу – вот в чем будет подлинное освобождение. Именно о таком проникновении в суть вещей Догэн пишет в пятистишии «Изначальный образ» («Хонраку мэмоку»), пер. Т.П. Григорьевой [Григорьева 1993, 245]):

*Хару ва хана
Нацу хототогису
Аки ва цуки
Фую юки киздэ
Судзусикарикэри*

Цветы – весной,
Кукушка – летом,
Осенью – луна.
Чистый и холодный снег –
Зимой.

Смерть становится событием символическим, пограничным не в общепринятом смысле границы жизни и не-жизни, а как момент явления подлинной истинности («природа Будды») в изменяемости жизни (сансары). Побеждается ли смерть таким постижением своей природы? Скорее человек ею овладевает, научается видеть, чувствовать, понимать. Но опыт этот остается предельно уникальным, индивидуальным. О нем можно рассказать и ему можно научить, но сам он не становится решением проблемы смерти.

Сиддхартха, достигнув просветления и умирая, показывает пример отношения к смерти, становясь (будучи) Буддой он являет миру способ, каким «исконную просветленность» (*хонгаку*) может осуществить любой человек [Трубникова 2010, 174–181]. Ибо кто согласится «застрять в собственном разуме», имея перед глазами образец преодоления смерти?

Смерть индивидуальная воспринимается буддистом как неизбежный переходный момент на пути в последующие существования. Как факт она лишь элемент практики умирания, в котором можно и нужно снова и снова тренироваться, чтобы когда-нибудь в грядущей вечности все сделать настолько правильно и внимательно, чтобы избежать очередного перерождения. Таким образом, если человек реализует себя в мире без какой-либо привязанности к этому миру и себе самому и вдруг здесь и сейчас происходит факт «смерти» (не важно человека ли, мира ли – и в том и в другом случае на это есть вполне объективные причины), самое главное – сохранить спокойное и ясное состояние ума без каких-либо предрасположенностей. Все повторится не единожды, внимательное исследование всех причин происшедшего позволит в следующий раз избежать нежелательных последствий.

Сравнение

Боль жизни гораздо могущественнее интереса к жизни. Вот почему религия всегда будет одолевать философию.

В.В. Розанов, «Уединенное»

Смерть уравнивает не только самых разных людей: она своим фактом вынуждает уравнивать идеи и доктрины. Описание догматик или сравнение религиозных школ не дает ничего нового кроме еще большего разнообразия в описаниях единого для всех события – смерти. Как бы ни различались антропологии буддизма и христианства, личный опыт умирания и смерти оказывается удивительно близок. Как нельзя понять религиозное чувство другого, не имея опыта собственного религиозного переживания, так невозможно и не предполагать некоторую общность переживания самых важных моментов человеческого бытия – рождения и смерти. Можно ли говорить о христианской и буддийской смерти как о чем-то принципиально отличном друг от друга? Можно ли, читая жития святых и предания об уходе в Чистую землю, быть уверенным в том, что мы понимаем событие смерти, о котором в них говорится, и если да, то почему Иисусова молитва столь же важна, как и «памятование о будде», *нэмбуцу*? Если Догэн, предпочитающий сосредоточение, говорит как обладающий полнотой Дхармы, а не частичностью школьного знания, то его понимание смерти может быть более близким, поскольку, как писал Евагрий Понтийский: «Если ты богослов, то будешь молиться истинно, и если истинно молишься, то ты – богослов» [Евагрий 1994, 83].

Вначале XX в. в недрах Бенедиктинского ордена (в монастыре Амэ) возникла конгрегация, целью которой была «медленная, мирная и братская работа по восстановлению христианского единства». Принципом этой работы стали слова католического епископа Дионисия: «...изучать, чтобы узнавать друг друга, узнавать, чтобы любить...» Нам представляется, что тема смерти в христианстве и буддизме – это как раз то, что должно изучать, чтобы узнавать, а узнавать необходимо, чтобы проявилась и христианская любовь, и буддийское сострадание.

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

- Августин 1994 – Бл. Августин. О граде Божием. Т. II (книги 8–13). М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1994 (Aurelius Augustinus, *De ciuitate Dei*, Russian Translation).
- Антология 2017 – Святые Отцы и учителя Церкви. Антология. Т. 1. Церковная письменность доникейского периода. М.: Общецерковная аспирантура и докторантура, 2017 (Early Church Fathers, *Anthology*, Russian Translations).
- Добротолюбие 2003 – Добротолюбие. В 5 т. Т. 5. М.: Паломникъ, 2003 (*The Philokalia*, Russian Translation).
- Евагриий 1994 – Творения аввы Евагрия. Аскетические и богословские трактаты. М.: ПСТБИ, 1994 (Evagrius Ponticus, *Treatises*, Russian Translation).
- Игнатий 1993 – Св. Игнатий Брянчанинов. Слово о чувственном и о духовном видении духов // Св. Игнатий Брянчанинов. Слово о смерти. М.: Православное издательство, 1993. С. 1–69 (Saint Ignatius (Dmitry A. Brianchaninov), *On Sensual and Spiritual Vision of Spirits*, in Russian).
- Ионеско 1991 – Ионеско Э. Носорог. Пьесы и рассказы. М.: ТЕКСТ 1991 (Ionesco, Eugène, *Plays and Other Writings*, Russian Translation).
- Мечников 1913 – Мечников И.И. Этюды оптимизма. М.: Научное слово, 1913 (Mechnikov, Ilya I., *Optimistic Studies*, in Russian).
- Трубников 1996 – Трубников Н.Н. О смысле жизни и смерти. М.: РОССПЭН, 1996 (Trubnikov, Nikolai N., *On the Sense of Life and Death*, in Russian).
- Шор 1925 – Шор Г.В. О смерти человека (введение в танатологию). Ленинград, 1925 (Shor, Georgiy, *On Human Death*, in Russian).
- Янкелевич 1999 – Янкелевич В. Смерть. М.: Изд-во Литературного Института, 1999 (Jankelevitch, Vladimir, *La mort*, Russian Translation).

Ссылки – References in Russian

- Григорьева 1993 – Григорьева Т.П. Красотой Японии рожденный. М.: Искусство, 1993.
- Иерофей 2008 – Иерофей (Влахос), митр. Жизнь после смерти. М.: Даръ, 2008.
- Ларше 2017 – Ларше Ж.К. Жизнь после смерти согласно Православной Традиции. М.: Сретенский монастырь, 2017.
- Трубникова 2010 – Трубникова Н.Н. Традиция «исконной просветленности» в японской философской мысли. М.: РОССПЭН, 2010.

References

- Grigorieva, Tatiana P. (1993) “Born by the Beauty of Japan”, *Iskusstwo*, Moscow (in Russian).
- Larchet, Jean-Claude (2001) *La vie après la mort selon la tradition orthodoxe*, Cerf, Paris (Russian Translation 2017).
- Stone, Jacqueline I. (2005) “Death”, Donald S. Lopez Jr. (ed.) *Critical terms for the study of Buddhism*, University of Chicago Press, Chicago, pp. 57–76.
- Trubnikova, Nadezhda N. (2010) *Original Enlightenment Tradition in Japanese Thought*, ROSSPEN, Moscow (in Russian).
- Vlachos, Hierotheos (1996) *Life After Death*, Birth of the Theotokos Monastery, Leviaia, Greece (Russian Translation 2008).
- Waddell, Norman, Abe, Masao (2002) *The Heart of Dogen’s Shobogenzo*, SUNY Press, Albany, NY.

Сведения об авторе

ГОРЕНКО Игорь Владимирович – кандидат философских наук, научный сотрудник ШАГИ РАНХиГС.

Author’s Information

GORENKO Igor V. – CSc in Philosophy, researcher, SASH RANERA.